

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06

Разворот России на глобальный Юг как фактор ее регионального развития

Ольга Владимировна КУЗНЕЦОВА

профессор РАН, доктор экономических наук, профессор,
главный научный сотрудник Института системного анализа РАН
ФИЦ «Информатика и управление» РАН
проспект 60-летия Октября, д. 9, г. Москва, Россия, 117312;
профессор
Финансовый университет при Правительстве РФ
Ленинградский проспект, д. 49/2, г. Москва, Россия, 125167
E-mail: Kouznetsova_olga@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4341-0934

Алексей Владимирович КУЗНЕЦОВ

член-корреспондент РАН, доктор экономических наук,
директор и главный научный сотрудник
Институт научной информации по общественным наукам РАН (ИНИОН РАН)
Нахимовский проспект, д. 51/21, г. Москва, Россия, 117418
E-mail: Kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

ЦИТИРОВАНИЕ: Кузнецова О.В., Кузнецов А.В. Разворот России на глобальный Юг как фактор ее регионального развития // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. 2022. Т. 15. № 6. С. 110–130.
DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06

Статья поступила в редакцию 04.09.2022.
Исправленный текст представлен 28.12.2022.

БЛАГОДАРНОСТЬ. Исследование выполнено по теме НИР Финансового университета «Трансформационные процессы в международных экономических отношениях в современных условиях».

АННОТАЦИЯ. *Статья посвящена возможному воздействию экономического разворота России на ускорение развития сибирских и дальневосточных регионов России. Показано, что пока интенсификация российских внешнеэкономических связей со странами Азии, Африки и Латинской Америки не оказывала решающего воздействия*

на региональную структуру экономики Российской Федерации. Основной акцент в анализе сделан на изучении сдвигов в российской внешней торговле, прямых иностранных инвестициях с участием России, а также экспорте образовательных услуг. Делается важный вывод о том, что разворот на глобальный Юг может привести к экономиче-

скому подъему дальневосточных и сибирских регионов только при ускоренном развитии необходимой для внешнеэкономических контактов транспортной инфраструктуры. Отдельное внимание надо уделять приграничному сотрудничеству. При этом подчеркивается, что ускорение развития азиатской части России во многом зависит не столько от разворота внешних связей страны на Восток, сколько от более активной региональной экономической политики в Сибири и на Дальнем Востоке. В конце статьи даются конкретные рекомендации для государственной экономической политики, учитывающие объективные препятствия для быстрой перестройки не только географических приоритетов во внешних связях, но и для изменений внутри страны межрегиональных диспропорций.

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: *российские внешнеэкономические связи, внешняя торговля, прямые иностранные инвестиции, экспорт образовательных услуг, поворот на Восток, экономический разворот на глобальный Юг, развитие российских сибирских и дальневосточных регионов, региональная экономическая политика России.*

Введение (постановка проблемы)

В последние годы в российской политике и экономике происходят процессы, которые сначала было принято называть «поворотом на Восток», а в наши дни правильнее было бы называть поворотом (или даже разворотом) на глобальный Юг. Речь идет о повышении роли значительной части азиатских, африканских, латиноамериканских стран во внешних связях России, причем как в политической, так и эко-

номической сферах. Такого рода процессы (отчасти уже идущие, отчасти желаемые) также имеют как политические, так и экономические причины, основными из которых можно считать следующие. Во-первых, это более высокие темпы роста ВВП во многих странах глобального Юга (Азии, Африки, Латинской Америки), что неизбежно ведет к постепенному повышению их роли в мировой экономике и, соответственно, во внешнеэкономических связях с самыми разными странами. Во-вторых (и это имеет очевидное значение для России), начавшаяся в 2014 г. «война санкций», еще более обострившаяся в 2022 г., заставляет искать как новые рынки сбыта для российской продукции (включая топливно-энергетические ресурсы), так и новых поставщиков необходимых России товаров. В-третьих, к середине 2010-х годов в России сформировалась новая федеральная политика в отношении социально-экономического развития Дальнего Востока, основанная на активном привлечении инвесторов в этот регион и развитии внешнеэкономических связей со странами АТР (другое дело, что в условиях антироссийских санкций инвесторы оказались преимущественно российскими, и для внешних связей есть известные ограничения). Наконец, еще одним фактором является развитие евразийской интеграции, о значимости которой в экономическом развитии пишут некоторые авторы (см., например, [Валовая, 2018]).

Географическая близость российского Дальнего Востока и Сибири к ведущим азиатским экономикам (Китаю, Индии) заставляет вполне логично предполагать, что именно восточные регионы Российской Федерации станут лидерами во взаимодействии с этими странами, «точками входа» для капитала, технологий, услуг и рабочей силы с динамично развивающегося

Востока [Торкунов, Стрельцов, Колдунова, 2020, с. 9]¹. Для России это означало бы значимый положительный эффект для регионального развития страны, поскольку одной из важнейших задач федеральной политики пространственного развития является именно обеспечение ускоренного роста восточных регионов страны, отстающих по уровню и динамике своего социально-экономического развития.

Задача данной статьи – проанализировать, действительно ли разворот на Восток и, более широко, глобальный Юг может принципиальным образом изменить региональную структуру российской экономики, является ли такой разворот шансом для развития дальневосточных и сибирских регионов, для снижения концентрации экономической активности в ведущих экономических центрах, прежде всего в столичной агломерации, причем не только за счет Востока страны, но и Юга. Мы рассматриваем три составляющие внешнеэкономических связей: внешнюю торговлю, прямые иностранные инвестиции и экспорт образовательных услуг². Сначала мы уделяем внимание сложившейся страновой структуре внешнеэкономических связей и ее динамике (в той мере, в какой это позволяют имеющиеся ряды статистических данных), чтобы показать значимость стран глобального Юга для России в целом, а затем рассматриваем вклад российских регионов (субъектов РФ) во внешнеэкономические связи.

Внешняя торговля товарами

В 2022 г. ФТС России прекратила обнародовать детальные данные по российской внешней торговле. Разумеется, определенные тенденции можно увидеть по анализу «зеркальной» статистики, которую публикуют страны-партнеры, главная из которых – ускоренное возрастание роли азиатских стран в товарообороте Российской Федерации. Однако разворот на Восток и в целом на глобальный Юг происходил все последние годы не так уж быстро, что можно увидеть по данным ФТС России, которые публиковались ранее. В таблице 1 мы привели 25 основных (по итогам 2021 г.) торговых партнеров России, не включенных в число недружественных государств³, приведя для сопоставления данные за 2013 г. – последний целый год до начала «войны санкций» вследствие непризнания коллективным Западом волеизъявления крымчан и севастопольцев, закончившегося воссоединением полуострова Крым с Российской Федерацией.

За 8 лет «войны санкций» суммарная доля 25 ведущих торговых партнеров России на глобальном Юге и Востоке выросла без малого в 1,5 раза – с 28,7 до 41,8%. Абсолютное увеличение товарооборота было скромнее – почти на 36%, или 86,7 млрд долларов, однако этот рост произошел на фоне общего снижения оборота внешней торговли России товарами – на 55,6 млрд долларов. Двусторонняя торговля

1 Вместе с тем авторы этой статьи совершенно справедливо говорят о том, что если трансформации в рамках меняющегося международного политэкономического взаимодействия являются очевидными, то последствия изменений в федеральной дальневосточной политике и евразийской интеграции требуют дальнейшей проработки.

2 Этот вид трансграничной торговли услугами наиболее адекватно представлен в российской статистике, имеющей географический разрез.

3 Распоряжение Правительства РФ от 05.03.2022 № 430-р (ред. от 29.10.2022) «Об утверждении перечня иностранных государств и территорий, совершающих недружественные действия в отношении Российской Федерации, российских юридических и физических лиц». В этот список входят государства – члены ЕС, Великобритания с колониями, Швейцария, Норвегия, США, Канада, Австралия, Япония, Республика Корея, Сингапур, Украина, а также такие незначительные торговые партнеры России, как Албания, Андорра, Багамские острова, Исландия, Лихтенштейн, Микронезия, Монако, Новая Зеландия, Сан-Марино, Северная Македония, о. Тайвань и Черногория.

Таблица 1. Товарная внешняя торговля Российской Федерации с основными партнерами за пределами коллективного Запада в 2013 и 2021 гг.

Table 1. Commodity foreign trade of the Russian Federation with major partners outside the collective West in 2013 and 2021

Страна (согласно месту в товарообороте РФ в 2021 г.)	2013				2021			
	Экспорт из РФ		Товарооборот		Экспорт из РФ		Товарооборот	
	млрд долл.	% для РФ						
1. Китай	35,6	6,76	88,8	10,54	68,9	13,97	141,6	18,00
3. Белоруссия	20,2	3,84	34,1	4,06	23,1	4,69	38,8	4,93
6. Турция	25,5	4,83	32,8	3,89	27,1	5,49	33,6	4,27
10. Казахстан	17,6	3,34	23,5	2,79	18,5	3,75	25,6	3,26
14. Индия	7,0	1,32	10,1	1,20	9,1	1,85	13,6	1,72
19. Бразилия	2,0	0,38	5,5	0,65	5,3	1,07	7,5	0,95
21. Вьетнам	1,4	0,26	4,0	0,47	2,2	0,45	7,1	0,91
23. Узбекистан	2,8	0,53	4,1	0,48	5,2	1,06	6,9	0,88
28. ОАЭ	2,1	0,40	2,5	0,30	5,1	1,03	5,4	0,68
32. Мексика	0,9	0,16	1,9	0,23	3,4	0,69	4,8	0,61
33. Египет	2,5	0,47	2,9	0,35	4,2	0,85	4,8	0,61
37. Иран	1,2	0,22	1,6	0,19	3,1	0,62	4,0	0,51
39. Азербайджан	2,9	0,56	3,6	0,42	2,3	0,47	3,4	0,43
40. Индонезия	1,2	0,23	3,0	0,35	0,7	0,14	3,3	0,42
42. Малайзия	1,3	0,24	2,7	0,32	1,4	0,29	3,3	0,41
43. Алжир	1,6	0,30	1,6	0,19	3,0	0,61	3,0	0,38
44. Бангладеш	0,3	0,05	0,8	0,10	1,7	0,35	3,0	0,38
46. Армения	1,0	0,19	1,4	0,16	1,9	0,38	2,6	0,33
47. Израиль	2,1	0,40	3,6	0,42	1,7	0,35	2,6	0,33
49. Киргизия	2,0	0,38	2,1	0,25	2,2	0,44	2,5	0,32
51. Сербия	0,9	0,16	2,0	0,23	1,3	0,26	2,3	0,30
52. Таиланд	1,3	0,24	3,4	0,40	0,5	0,10	2,3	0,29
54. Саудовская Аравия	0,8	0,15	1,1	0,13	1,9	0,39	2,3	0,29
55. Молдавия	1,3	0,25	1,7	0,21	1,8	0,36	2,2	0,28
56. Гонконг	3,0	0,57	3,2	0,38	1,6	0,33	2,2	0,28
Всего топ-25	138,5	26,23	242,0	28,71	197,2	39,99	328,7	41,77

Источник: данные ФТС России. – URL: <https://customs.gov.ru/> (дата обращения: 01.11.2022).

Российской Федерации за данный период сократилась только с Азербайджаном (но при небольшом росте удельного веса страны как партнера), Израилем, Таиландом и Гонконгом. Российский экспорт в указанные 25 стран рос даже быстрее, однако отрицательную динамику наряду с Азербайджаном, Израилем, Таиландом и Гонконгом показала также Индонезия (см. таблицу 1). Большинство партнеров за пределами коллективного Запада поднялись вверх в перечне важнейших торговых партнеров России. Наиболее впечатляющий рост продемонстрировали Бангладеш (с 72-го места на 44-е), Армения (с 65-го места на 46-е), Иран (с 59-го места на 37-е), Мексика (с 52-го места на 32-е), ОАЭ (с 45-го места на 28-е), Вьетнам (с 33-го места на 21-е) и Бразилия (с 28-го места на 19-е).

Наиболее интересны те страны глобального Юга, которые за последние годы стали важными покупателями российских товаров, способствующих диверсификации преимущественно нефтегазового экспорта – от закупки зерновых до оборудования, связанного со строительством АЭС, как это наблюдается в Бангладеш. Необходимо также учитывать занижение показателей по некоторым странам, особенно по Ирану, который давно находится под «санкциями»: в 2021 г. значительная часть товарооборота России с этой страной шла через посредников в Турции, Азербайджане и ОАЭ [Кузнецов, 2022b].

Наращивание торговли со странами Африки пока не так впечатляет, как интенсификация экспортно-импортных операций со странами Азии. В число заметных партнеров России попадают главным образом арабские государства Северной Африки – Египет, Алжир, а также Марокко, занявшее 60-е место в 2021 г. В Африке южнее Сахары выделяются Сенегал, ЮАР

и Нигерия, причем товарооборот с Сенегалом за 8 лет вырос более чем на порядок, а с Нигерией – втрое. С одной стороны, Россия заметно укрепляет свои позиции на континенте как поставщик зерна и удобрений, сохраняя также позиции экспортера вооружений и военной техники. С другой стороны, несмотря на предпринятые усилия после проведения первого саммита Россия – Африка в 2019 г., радикальных успехов в расширении российского технологического экспорта пока достигнуть не удается, в том числе по причине негативного влияния «войны санкций» с коллективным Западом. Дело в том, что часть африканских партнеров всерьез опасается «вторичных санкций» за интенсификацию экономических связей с Россией [Ефременко, 2022].

В силу географической удаленности от России Латинская Америка также пока не вошла в число основных векторов внешнеэкономической активности отечественного бизнеса. Более того, даже для дальневосточных регионов России пространственный фактор существенный (например, расстояние между Владивостоком и Берлином всё же меньше, чем между Владивостоком и Мехико). Тем не менее, несмотря на многочисленные экономические и геополитические сложности 2010-х годов, Россия и Латинская Америка смогли накопить существенный потенциал для интенсификации хозяйственных связей в самой обозримой перспективе [Яковлев, 2022]. Однако хорошую динамику внешней торговли с Российской Федерацией показывают далеко не все страны региона: если с Бразилией, Мексикой или, например, Эквадором товарооборот значительно вырос за 2014–2021 гг., то в случае с Венесуэлой, Аргентиной, Кубой и некоторыми другими государствами наблюдалась отрицательная динамика.

Наличие сдвигов, связанных с разворотом на Юг, но незначительных, можно констатировать и в региональном разрезе. Если посмотреть на структуру грузооборота морских портов России по бассейнам (таблица 2), то с 2013 г. виден тренд на сокращение роли ориентированных на торговлю прежде всего с Европой портов Балтийского и Азово-Черноморского бассейнов. Однако в последние три года (2019–2021) их доли в грузообороте стабилизировались, в первом полугодии 2022 г. ситуация не поменялась. При этом два названных бассейна остаются основными в структуре грузооборота, а со-

кращение их роли произошло не столько за счет портов Дальневосточного бассейна (по ним показатель увеличился, и очень незначительно, лишь с 2020 г.), сколько за счет Арктического бассейна (транспортировки экспортных грузов из арктических регионов по Северному морскому пути).

Дальнейшее наращивание доли стран глобального Юга в российской внешней торговле, конечно, приведет к определенным изменениям в пространственной структуре экономики, но, как нам представляется, на самом деле не кардинальным, и связано это с рядом факторов, в том числе внутренних.

Таблица 2. Грузооборот морских портов России по бассейнам
Table 2. Cargo turnover of Russian seaports by basins

Бассейн	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	2021	6 мес. 2022
Объем грузооборота, млн тонн										
Арктический	46,2	35,0	35,4	49,7	73,4	92,7	104,8	96,0	94,3	48,5
Балтийский	215,8	223,4	230,7	236,6	247,5	246,3	256,4	241,5	252,8	123,3
Азово-Черноморский	174,4	194,5	232,9	244,0	269,7	272,2	258,2	252,0	256,8	124,7
Каспийский	7,8	7,9	6,7	6,1	3,9	4,8	7,4	8,1	7,0	2,6
Дальневосточный	144,8	162,5	171,0	185,5	191,9	200,5	213,5	223,2	224,3	111,0
<i>Всего</i>	<i>589,0</i>	<i>623,4</i>	<i>676,7</i>	<i>721,9</i>	<i>786,4</i>	<i>816,5</i>	<i>840,3</i>	<i>820,8</i>	<i>835,2</i>	<i>410,1</i>
Структура грузооборота по бассейнам, %										
Арктический	5,6	5,2	5,6	5,2	9,3	11,4	12,5	11,7	11,3	11,8
Балтийский	35,8	34,1	32,8	35,8	31,5	30,2	30,5	29,4	30,3	30,1
Азово-Черноморский	31,2	34,4	33,8	31,2	34,3	33,3	30,7	30,7	30,7	30,4
Каспийский	1,3	1,0	0,8	1,3	0,5	0,6	0,9	1,0	0,8	0,6
Дальневосточный	26,1	25,3	25,7	26,1	24,4	24,6	25,4	27,2	26,9	27,1
<i>Всего</i>	<i>100,0</i>									

Источник: данные Ассоциации морских торговых портов. – URL: <https://www.morport.com/rus/content/statistika> (дата обращения: 01.11.2022) и расчеты авторов на их основе.

Если посмотреть на российский импорт, то в нем, как известно, доминируют несырьевые товары – оборудование для производства или потребительские товары, в том числе произведенные в Китае. Поскольку основные промышленные центры Китая географически близки к российским дальневосточным портам, то нередко подразумевается, что рост объемов импорта китайских товаров приведет именно к их загрузке. Однако в настоящее время импорт из Китая идет отнюдь не только через дальневосточные порты. К сожалению, в открытом доступе актуальных статистических данных по логистике доставки китайских грузов в России нет, по информации за 2015 г., количественное соотношение разных вариантов импорта контейнерных грузов таково⁴:

- в перевозках контейнерных грузов из Китая в Россию доминирует морской транспорт – порядка 80% грузооборота (остальные 20% – железнодорожный транспорт);

- объем перевалки китайских грузов через порты Балтийского бассейна составлял 1,98 млн TEU, Дальневосточного бассейна – 1,22 млн TEU, Азово-Черноморского бассейна – 604 тыс. TEU; это 52, 32 и 16% соответственно, то есть через дальневосточные порты ввозилось меньше трети всех контейнерных грузов.

Такая ситуация выглядит вполне логичной: морской транспорт является самым дешевым видом перевозок, поэтому доставка морем идет до ближайших к потребителям портов⁵. В России население и экономическая активность, как хорошо известно, сконцен-

трированы в европейской части страны, поэтому и основной поток грузов идет именно в порты западной части страны. И такое положение дел с высокой долей вероятности сохранится, какой бы ни была страновая структура российского импорта.

Вместе с тем в изменяющихся политико-экономических условиях вероятно перераспределение грузопотоков с морских портов Балтийского бассейна в пользу Азово-Черноморского, и не только в силу возрастающей роли стран Юга в российском импорте. Дело еще в росте объемов продовольственных товаров в российском экспорте – производство таких товаров в силу агроклиматических условий приурочено, конечно, к более южным аграрным регионам страны. Именно доля этих регионов увеличивается и в численности населения страны – в силу миграционной привлекательности (прежде всего Краснодарского края) и повышенной рождаемости в северокавказских республиках.

Вряд ли можно рассчитывать на увеличение роли восточных регионов страны в грузоперевозках и в случае возрастания роли железнодорожного транспорта. В последние годы много говорится о китайской инициативе «Один пояс – один путь» (в России часто говорят о Новом шёлковом пути). Для Китая этот проект значим не только с точки зрения инфраструктурного обеспечения своих внешнеэкономических связей, но и создания условий для экономического развития внутренних регионов страны. Поэтому прямой выход на российские дальневосточные

4 Приходько Е. Китай как центр зарождения российских контейнеропотоков // Морские порты. – 2016. – № 5. – URL: <https://morvesti.ru/themes/1700/63704/> (дата обращения: 01.06.2022).

5 Сказанное подтверждают коммерческие предложения компаний, которые занимаются импортом китайских грузов в Россию: предпочтение отдается морским перевозкам, и везти грузы предлагают отнюдь не только до дальневосточных портов. Кроме того, по данным Ассоциации морских торговых портов, в структуре отправки из морских портов прибывших с моря грузов по видам транспорта в 2017–2020 гг. объемы отправки автомобильным транспортом превышали объемы отправки железнодорожным транспортом в 2,2–2,4 раза, и только в 2021 г. показатель снизился до 1,8 раза.

регионы – далеко не самое интересное для Китая направление (морские перевозки, повторим, дешевле). Есть несколько вариантов прохождения железнодорожных веток Шёлкового пути [Безруков, 2016], в Россию предполагается выход на Урал, в Курганскую область. Соответственно, преимущества от реализации проекта «Один пояс – один путь» могут получить прежде всего западные регионы России (впрочем, что тоже неплохо, особенно учитывая, что Курганская область – один из проблемных российских регионов, валовой региональный продукт на душу населения здесь в два с лишним раза ниже среднего по субъектам Федерации).

Некоторое увеличение роли дальневосточных регионов во внешнеэкономических связях России связано, скорее, не столько с переориентацией российских внешнеэкономических связей на Восток, сколько с экономическим развитием самого Дальнего Востока, которому в последние годы уделяется особое внимание в рамках федеральной политики пространственного развития (достаточно упомянуть хотя бы о существовании отдельного федерального Министерства по развитию Дальнего Востока и Арктики). Эффективность внедренных мер поддержки инвесторов на Дальнем Востоке вызывает споры, но определенные результаты эти меры дают. Так, например, доля Дальневосточного федерального округа в суммарном по регионам валовом региональном продукте, по данным Росстата, выросла с 6,1% в 2016 г. до 6,5% в 2020 г.⁶

Но особенно заметно возрастание, причем даже в последние годы, роли Дальнего Востока в добыче нефти и природного газа (таблица 3). Сдвиг нефтегазодобычи в восточные регионы

страны начался еще раньше: в 2005 г. на Сибирь и Дальний Восток суммарно приходилось еще только 4% добычи нефти и 1,5% добычи природного газа. Для экспорта сырья в Китай и другие страны Востока были построены магистральные трубопроводы – нефтепровод «Восточная Сибирь – Тихий океан» и газопровод «Сила Сибири». Неудивительно поэтому, что российско-китайское сотрудничество в энергетической сфере – это та составляющая внешнеэкономических связей двух стран, которая привлекает к себе отдельное внимание (подробнее см. [Дёмина, 2015; Ван Цзилу, 2022]).

Таким образом, в целом влияние разворота России во внешнеэкономических связях на глобальный Юг приводит и еще приведет к некоторым изменениям в региональной структуре российской экономики, но вряд ли принципиально изменит картину межрегиональных различий, поскольку основные грузопотоки в любом случае будут привязаны к основным центрам расселения и экономической активности в стране. Более того, будущие трансформации определяются не столько изменением географии внешней торговли, сколько логикой самого пространственного развития России – ускоренным развитием отдельных ее территорий. При этом наибольшие изменения будут происходить в тех случаях, когда действие внутренних и внешних факторов будет иметь синергетический эффект, например, при активизации внешнеэкономических связей с Турцией на фоне роста значимости российских причерноморских регионов, при развитии связей с Китаем на фоне ускоренного роста Дальнего Востока России.

6 В сопоставимых границах, то есть данные по Республике Бурятия и Забайкальскому краю во все годы учитываются в составе Дальневосточного федерального округа.

Таблица 3. Добыча нефти и природного газа по федеральным округам
Table 3. Oil and natural gas production by federal districts

Федеральные округа (ФО)	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Добыча нефти, включая газовый конденсат							
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Северо-Западный ФО	5,5	5,7	6,2	5,9	5,7	5,6	5,4
Южный ФО	1,8	1,7	1,8	2,3	2,6	2,6	2,6
Северо-Кавказский ФО	0,3	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Приволжский ФО	21,9	21,9	21,6	21,5	21,2	21,3	20,8
Уральский ФО	57,1	56,1	55,4	55,3	55,1	55,1	55,5
Сибирский ФО	9,1	9,3	9,6	9,6	9,6	9,2	8,8
Дальневосточный ФО	4,4	5,0	5,2	5,1	5,7	6,1	6,8
Добыча природного и попутного газа							
Российская Федерация	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0
Северо-Западный ФО	0,7	0,8	0,8	0,7	0,7	0,7	0,7
Южный ФО	2,9	2,9	2,9	2,8	2,7	2,7	2,7
Северо-Кавказский ФО	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1
Приволжский ФО	3,9	3,9	3,7	3,3	3,0	2,9	3,1
Уральский ФО	85,1	84,4	84,3	85,5	86,2	86,4	85,1
Сибирский ФО	2,4	3,0	3,0	2,8	2,5	2,4	2,4
Дальневосточный ФО	4,9	5,0	5,1	4,9	4,8	4,9	6,1

Источник: расчеты авторов по данным Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения 01.11.2022).

Прямые иностранные инвестиции

Тематика прямых иностранных инвестиций (ПИИ), в том числе искажения в статистике в связи с фактором офшоров, неоднократно освещалась в различных публикациях [Оптимизация..., 2016, с. 9–10; Дементьев, 2017; Петров, Каранетян, 2014], поэтому мы не будем детально останавливаться на проблеме значимой роли в ПИИ офшорного капитала. Отметим лишь, что исключение такового из общих данных по ПИИ невозможно, поскольку есть немало

стран, инвестиции из которых являются как реально иностранными, так и де-факто российскими, и, более того, офшорами или удобными для регистрации бизнеса странами пользуются не только российские компании (например, известная изначально как шведская, компания «ИКЕА» формально является на сегодняшний день нидерландской). Вместе с тем анализ ПИИ по укрупненным географическим и экономическим зонам (таблица 4) и особенно странам, которые не являются просто местом регистрации компаний, позволяет получить вполне адекватную картину.

Таблица 4. Накопленные прямые иностранные инвестиции в России по географическим и экономическим зонам
Table 4. Inward FDI stocks in Russia by geographical and economic zones

Географические и экономические зоны	01.01.2015	01.01.2020	01.01.2021	01.01.2022	2022 к 2015
ПИИ в России, всего	100,0	100,0	100,0	100,0	1,6
Европейский Союз*	76,8	70,2	61,2/67,2	59,7/65,0	1,3
Еврозона	73,3	62,7	60,2	58,8	1,3
Страны ОЭСР	50,7	44,8	45,8	44,4	1,4
Страны ЕС – члены ОЭСР*	45,6	39,2	32,3/38,3	29,7/34,9	1,1
Страны НАФТА	0,8	0,9	1,0	1,1	2,2
Страны ОЭСР, не входящие в ЕС, НАФТА, включая Соединённое Королевство (расчетно)	4,3	4,7	6,6	8,4	3,2
Страны ЕАСТ	3,3	3,4	3,4	3,5	1,7
Страны БРИКС	0,8	0,8	0,5	0,6	1,4
Страны АТЭС	2,7	4,1	3,8	3,9	2,4
Страны АСЕАН	0,3	1,0	0,9	0,8	4,5
Страны СНГ	0,5	1,8	1,7	1,6	4,9
Страны ЕАЭС	0,3	0,9	0,9	0,9	4,6
Страны «Группы 20»	11,3	17,5	18,8	20,9	3,0
Страны Африки, Карибского бассейна и Тихоокеанского региона	6,0	4,7	4,6	4,3	1,2
Страны ОПЕК	0,1	0,2	0,2	0,3	5,6
Страны Ближнего Востока и Северной Африки	0,1	2,6	2,4	2,9	78,7

*вторая строка – с включением в данные по ЕС данных по Соединенному Королевству, вышедшему из членов ЕС

Источник: данные Центробанка России. – URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 01.11.2022) и расчеты авторов на их основе.

В целом ситуация с ПИИ похожа на ситуацию с внешней торговлей. Разумеется, радикальные изменения стали происходить с конца 2022 г., когда о массовом уходе из Российской Федерации заявили многие европейские ТНК. Однако точных данных пока не опубликовано и есть предположения о конъюнктурности некоторых заявлений, поэтому мы будем опираться на статистику на начало 2022 г. Она также весьма показательна, включает в себя сре-

ди прочего результаты первого периода «войны санкций» (от момента присоединения Крыма до начала СВО на Украине). С одной стороны, доминирующую роль в инвестициях в России продолжают играть европейские страны: в таблице 4 наиболее интересна строка «страны ЕС – члены ОЭСР», куда не попадает Кипр. Даже без него инвестиции из Европы составляют больше трети. С другой стороны, роль европейских стран в структуре ПИИ в России

за рассматриваемые годы заметно сократилась⁷. При этом обращают на себя внимание следующие тенденции:

- роль стран НАФТА (США, Канада, Мексика) в ПИИ в России традиционно невелика (сказывается в том числе географическая удаленность от России), тем не менее доля этой группы в ПИИ в России в последние годы несколько выросла;

- выросла также доля других неевропейских стран ОЭСР (мы не исключили из строки «страны ОЭСР» страны ЕАСТ, поскольку, наряду с Исландией, Норвегией, Швейцарией, в этой группе – еще и не входящий в ОЭСР Лихтенштейн); в их число попадают Колумбия, Чили, Новая Зеландия, роль которых в инвестициях в России минимальна в силу опять-таки географической удаленности; небольшой вклад в динамику показателя внесли Австралия и Израиль, более заметный – Южная Корея, Турция, Япония;

- доля стран БРИКС не только продолжала оставаться очень небольшой (особенно на фоне численности населения этих стран), но и сократилась, иначе говоря, пока заметного роста китайских и индийских инвестиций на уровне статистики не наблюдается (хотя стоит признать известную экспертам проблему занижения в официальных российских данных объемов ПИИ из азиатских стран);

- в последние годы в инвестициях в России повысилась роль стран СНГ, причем в целом не только ЕАЭС;

- сдвиг на глобальный Юг проявился в росте роли инвестиций из стран Ближнего Востока и Северной Африки.

Подчеркнем, что особенно плохо развиваются инвестиционные связи

России с Латинской Америкой. Если российские ПИИ всё-таки демонстрируют вялую, но положительную динамику за счет единичных перспективных крупных инвестиционных проектов, то латиноамериканские ТНК почти всегда обходят Россию стороной [Кузнецов, 2022а]. При этом подчеркнем, что в числе значимых экспортеров ПИИ в мире в целом среди латиноамериканских государств находятся не только Бразилия и Мексика, но и Чили, Колумбия, Аргентина (они сопоставимы со средними по показателям членами ЕС).

В части влияния происходящих и предполагающихся в дальнейшем сдвигов на распределение ПИИ по российским регионам ситуация также схожа с тем, что происходит с внешней торговлей, но имеет важную специфику. Основная объединяющая два вида внешнеэкономических связей (внешнюю торговлю и ПИИ) особенность – формирование региональной их структуры с ориентацией на потребителя. Прежние многочисленные исследования [Кузнецов, 2007; Леонова, 2015; Оптимизация..., 2016] показывают, что основным мотивом зарубежного инвестирования в России является доступ к емкому российскому внутреннему рынку. Соответственно, значительная часть инвестиций вкладывается в регионы с максимальной численностью населения – в Европейской части России в целом, вблизи столичного региона или с ориентацией на морские порты (балтийские или азово-черноморские). При этом китайские инвестиции не являются исключением. На столичный регион (Москву и Московскую область) на начало 2022 г. приходилась

7 К сожалению, Центробанк России приводит данные по субъектам РФ и по распределению ПИИ по географическим и экономическим зонам только начиная с 1 января 2015 г., то есть уже после первой реакции зарубежных инвесторов на присоединение Крыма. Но и за последующие годы динамика ПИИ тоже интересна, поскольку позволяет проследить развитие событий уже в новых условиях «войны санкций».

почти треть китайских ПИИ, в лидерах были также Краснодарский край, Липецкая область, Санкт-Петербург.

Особый случай, как и во внешней торговле, представляют ПИИ, связанные с нефтегазовым сектором: средства вкладываются в те регионы, где есть месторождения полезных ископаемых. В обоих случаях – и при ориентации на потребителя, и на источники сырья – разворот российских внешнеэкономических связей на глобальный Юг вряд ли сколько-нибудь значимо повлияет на распределение ПИИ по субъектам Российской Федерации. Это подтверждают и новости последних месяцев: зачастую при обсуждении ухода из России инвесторов из недружествен-

ных стран речь идет о покупке их активов предпринимателями других стран⁸, что означает сохранение существующих объектов (производства, торговли) там, где они были построены.

Особое значение в развитии внешнеэкономических связей играет приграничное положение, причем гораздо большее именно в ПИИ, нежели во внешней торговле (в этом случае более значимо приморское положение, точнее, наличие морских портов; хотя и приграничная торговля тоже развивается), так называемый эффект соседства. Он хорошо виден по распределению китайских ПИИ по российским регионам: из 12 приведенных в таблице 5 регионов, выделяющихся

Таблица 5. Регионы-лидеры по накопленным прямым иностранным инвестициям из Китая на начало 2022 г.

Table 5. Leading regions in terms of FDI stocks from China at the beginning of 2022

Субъекты РФ	Объем инвестиций, млн долл.	Доля в китайских инвестициях в России, %
Всего	3 313	100,00
г. Москва	920	27,76
Забайкальский край	585	17,65
Краснодарский край	357	10,79
Амурская область	280	8,45
Московская область	156	4,72
г. Санкт-Петербург	86	2,59
Липецкая область	71	2,13
Новосибирская область	25	0,75
Волгоградская область	19	0,57
Республика Бурятия	16	0,49
Свердловская область	12	0,36
Хабаровский край	11	0,32

Источник: данные Центробанка России. – URL: <https://www.cbr.ru/> (дата обращения: 01.11.2022) и расчеты авторов на их основе.

⁸ Например, завод известного финского производителя кофе *Paulig* в Тверской области, по данным СМИ, купил гражданин Индии, являющийся топ-менеджером компании *Milagro*.

по объемам китайских инвестиций, 4 являются дальневосточными (Забайкальский и Хабаровский края, Амурская область и Бурятия). Поэтому фактор соседства может повлиять на рост инвестиций в российские регионы из близлежащих стран, но всё-таки в качестве дополняющего к основному – ориентации на потребителя.

Названные основные закономерности распределения ПИИ подтверждаются и детализированными исследованиями по отдельным странам, представляющим на сегодняшний день наибольший интерес, – как по Китаю [*Новопашина*, 2015], так и по Индии [*Мальцева, Дружкин*, 2020], Турции [*Кузнецова*, 2016; *Обзор...*, 2021].

Для развития связей с пока малознакомыми российскому бизнесу странами, особенно африканскими, надо, видимо, полагаться на опыт «пионеров», в том числе из соседних регионов, особенно если они формально подчеркивают свою роль в развитии двустороннего диалога с Россией. В этом отношении показательны (хотя, увы, не всегда) фигуры почетных консулов – российских бизнесменов, имеющих определенный опыт работы в соответствующих странах. Например, в Екатеринбурге не случайно возникло единственное в России почетное консульство Демократической Республики Конго – довольно сложного для работы африканского государства, но весьма перспективного благодаря природным ресурсам и растущим рынкам сбыта. Консулом является руководителем группы *MidUral*, контролирующей в африканской стране месторождение ниобия. Перспективные контакты могут также выстраиваться через торгово-промышленные палаты и иные институциональные предприни-

мательские структуры. При этом стимулы для интенсификации внешнеторговой и инвестиционной деятельности конкретных регионов могут быть самые разные, начиная от установления прямого авиационного сообщения с ключевым экономическим центром соответствующего государства.

Экспорт образовательных услуг

Особое место в российских внешнеэкономических связях занимает экспорт образовательных услуг (проще говоря, обучение иностранных студентов в российских вузах), причем его обсуждают и как инструмент «мягкой силы» в политологических исследованиях [*Торкунов*, 2012; *Антохова*, 2018], и как одну из составляющих экономики регионов [*Штырно*, 2018; *Андреева, Масленников, Мыслякова*, 2018; *Синица*, 2020].

По численности иностранных студентов публикуются детальные статистические сборники с данными по отдельным вузам⁹. Мы воспользуемся более простыми, но агрегированными по субъектам Российской Федерации данными МВД России. В таблице 6 приведены 18 стран, по которым количество фактов постановки на миграционный учет для получения образования превышает 5 тыс. человек, и 20 субъектов Российской Федерации с показателем выше 10 тыс. человек.

В распределении иностранных студентов по странам картина ожидаемо иная, нежели с внешней торговлей или ПИИ: лидируют страны СНГ, а также глобального Юга. Сказываются распространенность русского языка, исторически сложившиеся связи

9 Экспорт российских образовательных услуг: Статистический сборник. Выпуск 10 / Министерство науки и высшего образования Российской Федерации. – М.: ГИРЯ им. А.С. Пушкина, 2020. – 557 с.; а также аналогичные сборники за другие годы.

Таблица 6. Количество фактов постановки на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства по месту пребывания с целью въезда «учеба»
Table 6. The number of migration registration facts of foreign citizens and stateless persons at the place of stay with study as the purpose of entry

Страны	Кол-во фактов	Доля, %	Субъекты Федерации	Кол-во фактов	Доля, %
ВСЕГО по странам	633 466	100,0	г. Москва	99 497	15,71
Таджикистан	82 150	12,97	г. Санкт-Петербург и Ленинградская область	68 950	10,88
Узбекистан	76 049	12,01	Республика Татарстан	44 386	7,01
Казахстан	75 738	11,96	Московская область	26 164	4,13
Туркменистан	53 888	8,51	Свердловская область	17 461	2,76
Египет	50 308	7,94	Томская область	13 760	2,17
Киргизия	39 288	6,20	Новосибирская область	13 417	2,12
Индия	39 068	6,17	Самарская область	11 933	1,88
Китай	21 855	3,45	Краснодарский край	11 884	1,88
Армения	16 112	2,54	Омская область	11 864	1,87
Украина	12 971	2,05	Астраханская область	11 772	1,86
Азербайджан	11 769	1,86	Чувашская Республика	11 736	1,85
Белоруссия	10 470	1,65	Республика Башкортостан	11 393	1,80
Марокко	10 148	1,60	Ростовская область	11 392	1,80
КНДР	8 969	1,42	Волгоградская область	11 266	1,78
Ирак	8 403	1,33	Белгородская область	10 839	1,71
Сирия	7 798	1,23	Воронежская область	10 452	1,65
Молдова, Республика	6 651	1,05	Челябинская область	10 203	1,61
Вьетнам	5 133	0,81	Нижегородская область	10 080	1,59

Источник: данные МВД России. – URL: <https://mvd.ru/> (дата обращения: 01.11.2022) и расчеты на их основе.

и ряд других факторов, например несколько иная региональная структура распределения иностранных студентов. Столичный регион по-прежнему выделяется (суммарная доля Москвы и Московской области составляет порядка 20%), но уже не столь явно, значимую роль играют и другие регионы с крупными вузами. В разрезе федеральных округов на первом месте оказывается Центральный (200,9 тыс. фак-

тов миграционного учета в целях учебы, или 31,7%). На втором месте – Приволжский федеральный округ (почти 144,9 тыс. фактов, 22,9%). Далее следуют Северо-Западный (85,9 тыс.), Сибирский (66,2 тыс.), Южный (58,4 тыс.), Уральский (43,0 тыс.), Северо-Кавказский (18,0 тыс.) и Дальневосточный (16,1 тыс.) федеральные округа.

В экспорте образовательных услуг есть и общая с внешней торговлей и

ПИИ закономерность – особая роль приграничных регионов¹⁰, отличающихся повышенной концентрацией иностранных студентов.

Поскольку экспорт образовательных услуг уже сейчас не связан с недружественными для России странами, то и изменений в структуре распределения студентов по вузам страны вряд ли стоит ожидать (исключением является только Украина, что, вероятно, приведет к сокращению числа иностранных студентов в Белгородской и отчасти Воронежской областях). Определенный импульс возможен, только если Россия выйдет на принципиально иной уровень контактов со странами глобального Юга в сфере НИОКР или хотя бы прикладной аналитики (что важно для общественных и гуманитарных наук) [Вилисов, 2022] и технологического сотрудничества бизнес-структур.

Выводы

Таким образом, в целом можно говорить о том, что переориентация российских внешнеэкономических связей на глобальный Юг приводит к определенным сдвигам в региональной структуре российской экономики, но сдвиги эти не являются кардинальными и вряд ли будут таковыми в обозримой перспективе. Связано это с двумя обстоятельствами. Во-первых, несмотря на возрастание роли стран глобального Юга как во внешней торговле, так и ПИИ в России, главенствующее положение продолжают занимать недружественные страны, прежде всего в силу более высокого уровня своего социально-экономического развития. Да и о полномасштабном их уходе или разрыве с ними экономических связей го-

ворить не приходится даже в нынешних условиях. Во-вторых, что даже более важно, логика формирования географии как внешней торговли, так и ПИИ мало зависит от стран-партнеров: независимо от их географического положения, импорт товаров в Россию и размещение ПИИ на ее территории обуславливается в первую очередь потребительским фактором (импортеры ориентируются на ближайшие к потребителям порты, инвесторы – на емкие рынки сбыта); экспорт сырья и продовольствия, участие инвесторов в сырьевых проектах определяется размещением осваиваемых месторождений и агроклиматическими условиями. Иностранные студенты в любом случае приезжают учиться в сложившиеся вузовские центры.

Вместе с тем важным исключением является фактор приграничного положения: развивается приграничная торговля, в ПИИ проявляется эффект соседства, он же характерен и для экспорта образовательных услуг. Это еще раз доказывает необходимость особого внимания развитию приграничного сотрудничества в государственной политике пространственного развития, что пока для нее нехарактерно [Кузнецов, Кузнецова, 2019].

Возможные сдвиги в региональной структуре экономики будут происходить одновременно в силу как разворота России на глобальный Юг, так и внутрироссийских трансформаций – ускоренного развития Дальнего Востока и Юга страны. И если дальневосточная государственная политика в последние годы активно развивается, то «южный вектор» находится еще только в самом начале своего формирования¹¹.

Важным элементом государственной политики развития контактов со

10 Конкретный пример такового рассмотрен в [Ермакова, Никулина, 2019].

11 О необходимости особого внимания к Югу России говорится в [Дружинин, 2022].

странами глобального Юга, безусловно, должна быть подготовка необходимых кадров. Традиционно востоковедение и африканистика считались «элитарной» специальностью, а потому специалисты готовились преимущественно в Москве и Санкт-Петербурге. К тому же с распадом СССР и утратой Россией части внешнеполитических амбиций даже языковая подготовка в этой сфере была заметная сокращена. Однако для масштабных контактов российских регионов со странами Азии и Африки, а также Латинской Америки требуются многочисленные специалисты со знанием специфики ведения дел в этих государствах и хотя бы минимальной языковой подготовкой в любых субъектах Федерации, то есть повсеместно. Разумеется, можно направлять подготовленных в столичных вузах специалистов в регионы, но для этого также надо продумывать механизмы стимулирования молодых кадров.

Учитывая ограниченность управленческих и экспертных ресурсов в России в настоящее время, целесообразно начать решать эту задачу более интенсивно в нескольких пилотных регионах, в том числе в Сибири и на Дальнем Востоке. Вероятно, в качестве таких субъектов Федерации необходимо выбрать те, где уже есть определенный потенциал для интенсификации связей со странами глобального Юга и Востока. Например, по числу генеральных консульств, отделов посольств, отделений торгпредств азиатских стран на Востоке России лидирует столица Приморья Владивосток: соответствующие представительства открыли Вьетнам, Индия, Китай, Монголия, КНДР, Киргизия, Узбекистан (а также «недружественные» Республика Корея и

Япония), работают почетные консулы Бангладеш, Индонезии, Лаоса, Малайзии, Филиппин¹². В Приморском крае организованы и успешно работают предприятия, принадлежащие инвесторам из нескольких азиатских государств.

Подытоживая, еще раз подчеркнем, что разворот экономики России на глобальный Юг и Восток – задача действительно комплексная и общегосударственная, которую решить только узким набором мер нельзя (причем не важно – в рамках внешнеэкономической политики, в образовательной сфере или в области регионального развития).

Список литературы

- Андреева Е.Л., Масленников М.И., Мыслякова Ю.Г. Развитие экспорта образовательных услуг России и ее регионов // Российский внешнеэкономический вестник. – 2018. – № 8. – С. 32–47.
- Антюхова Е.А. Образование как «мягкая сила» в современных зарубежных и российских политологических исследованиях // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. – 2018. – Т. 23, № 4. – С. 197–209.
- Безруков Л.А. Транссиб и Шелковый путь: глобальная инфраструктура и региональное развитие // ЭКО. – 2016. – № 7. – С. 21–36.
- Валова М.Д. Евразийская интеграция и драйверы роста // Российский экономический журнал. – 2018. – № 2. – С. 45–50.
- Ван Цзилу. Инвестиционное китайско-российское энергетическое сотрудни-

12 Представительства иностранных государств на территории Приморского края. – URL: <https://vladivostok.mid.ru/ru/help/predstavitelstva/> (дата обращения: 01.11.2022).

ничество в рамках стратегии «двойной циркуляции»: состояние и перспективы // Российский экономический журнал. – 2022. – № 2. – С. 114–126. – DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-114-126.

Вилисов М.В. Поворот на Юг: аналитические центры Африки как потенциальные партнеры исследовательских центров стран ЕАЭС // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 116–136. – DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07.

Дементьев Н.П. Прямые инвестиции из-за рубежа и за рубежом: оценки на основе данных Банка России и Евростата // Российский экономический журнал. – 2017. – № 2. – С. 56–69.

Дёмина О.В. Российские энергоресурсы на рынках стран АТР: развитие экспортной инфраструктуры // Регионалистика. – 2015. – Т. 2, № 4. – С. 21–30. – DOI: 10.14530/reg.2015.4.

Дружинин А.Г. «Южный вектор» геостратегии Российской Федерации в современном глобальном и евразийском контексте: системные факторы актуализации // Научная мысль Кавказа. – 2022. № 1. – С. 5–16. – DOI: 10.18522/2072-0181-2022-109-5-16.

Ермакова Ж.А., Никулина Ю.Н. Экспорт образовательных услуг из приграничного региона // Экономика региона. – 2019. – Т. 15, выпуск 1. – С. 191–204. – DOI: 10.17059/2019-1-15.

Ефременко Д.В. Отношения России со странами Африки в свете специальной военной операции на Украине // Контуры глобальных трансформаций: политика, экономика, право. – 2022. – Т. 15, № 4. – С. 60–78. – DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04.

Кузнецов А.В. Интернационализация российской экономики: инвестиционный аспект. – Москва : УРСС, 2007. – 288 с.

Кузнецов А.В. Прямые инвестиции из России в страны Латинской Амери-

ки // Актуальные проблемы Европы. – 2022а. – № 3. – С. 254–269. – DOI: 10.31249/ape/2022.03.11.

Кузнецов А.В. Разворот на Юг: партнеры и форматы // Эксперт. – 2022b. – № 22. – URL: <https://expert.ru/expert/2022/22/razvorot-na-yug-partnery-i-formaty/> (дата обращения: 10.11.2022).

Кузнецов А.В., Кузнецова О.В. Изменение роли приграничных регионов в региональной политике стран ЕС и России // Балтийский регион. – 2019. – Т. 11, № 6. – С. 58–75. – DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.

Кузнецова О. Прямые иностранные инвестиции в российских регионах в условиях санкций // Международные процессы. – 2016. – Т. 14, № 3. – С. 132–142. – DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.9.

Леонова Ю.Ю. Региональные интересы и факторы инвестиционной активности зарубежных компаний в России. – Москва : УРСС, 2015. – 200 с.

Мальцева О.А., Дружкин Е.Д. Перспективы индийских прямых инвестиций в российской экономике // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Экономика. – 2020. – Т. 28, № 2. – С. 254–272. – DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-2-254-272.

Новопашина А.Н. Региональное распределение иностранного капитала в России: пример прямых китайских инвестиций // Регионалистика. – 2015. – Т. 2, № 4. – С. 59–76. – DOI: 10.14530/reg.2015.4.

Обзор турецких инвестиций в России. – Москва : ВЭБ.РФ; Nektorov, Savelev & Partners, 2021. – 67 с.

Оптимизация инвестиционных связей современной России / под ред. А.В. Кузнецова. – Москва : ИМЭМО РАН, 2016. – 120 с. – DOI: 10.20542/978-5-9535-0479-9.

Петров Ю.А., Карапетян А.К. К оценке степени офшоризации российской экономики на основе статистики прямых иностранных инвести-

ций // Российский экономический журнал. – 2014. – № 2. – С. 22–33.

Синица А.Л. К проблеме оценки и повышения эффекта обучения иностранных граждан в российских вузах для экономического развития России и ее арктических регионов // Российский экономический журнал. – 2020. – № 3. – С. 101–113.

Торкунов А.В. Образование как инструмент «мягкой силы» во внешней политике России // Вестник МГИМО-Университета. – 2012. – № 4. – С. 85–93.

Торкунов А.В., Стрельцов Д.В., Колдунова Е.В. Российский поворот на Вос-

ток: достижения, проблемы и перспективы // Полис. – 2020. – № 5. – С. 8–21. – DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02.

Штыхно Д.А. Экспорт образования как потенциальный фактор развития регионов Российской Федерации // Федерализм. – 2018. – № 4. – С. 195–203.

Яковлев П.П. Взаимодействие России с латиноамериканскими странами в условиях геополитического перелома // Актуальные проблемы Европы. – 2022. – № 3. – С. 227–253. – DOI: 10.31249/ape/2022.03.10.

DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06

Russia's Pivot to the Global South as a Factor of Its Regional Development

Olga V. KUZNETSOVA

Professor of the RAS, Dr. Sc. (Econ.), Professor,
Chief Researcher of the Institute for Systems Analysis of the Russian Academy
of Sciences
Federal Research Center "Computer Science and Control" of the Russian Academy
of Sciences
60-letiya Oktyabrya Avenue, 9, Moscow, Russia, 117312;
Professor
Financial University under the Government of the Russian Federation
Leningradskiy Avenue, 49/2, Moscow, Russian Federation, 125167
E-mail: Kouznetsova_olga@mail.ru
ORCID: 0000-0003-4341-0934

Alexey V. KUZNETSOV

Corresponding Member of the RAS, Dr. Sc. (Econ.)
Director and Chief Researcher
Institute of Scientific Information for Social Sciences of the Russian Academy
of Sciences (INION)
Nakhimovskiy Avenue, 51/21, Moscow, Russia, 117418
E-mail: Kuznetsov_alexei@mail.ru
ORCID: 0000-0001-5172-9924

CITATION: Kuznetsova O.V., Kuznetsov A.V. (2022). Russia's Pivot to the Global South as a Factor of Its Regional Development. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. vol. 15, no. 6, pp. 110–130 (in Russian).
DOI: 10.31249/kgt/2022.06.06

Received: 04.09.2022.

Revised: 28.12.2022.

ACKNOWLEDGMENT. The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of the Financial University on the fundamental research topic: "Transformational processes in international economic relations in modern conditions".

ABSTRACT. *The article is devoted to the possible impact of Russia's economic turnaround on the acceleration of the development of the Siberian and Far Eastern regions of Russia. It is shown that so far the intensification of the Russian foreign econo-*

mic relations with the countries of Asia, Africa and Latin America has not had a decisive impact on the regional structure of the economy of the Russian Federation. The main focus of the analysis is on the study of shifts in the Russian foreign trade, foreign

direct investment with the participation of Russia, as well as the export of educational services. An important conclusion is made that the turn to the global South can lead to the economic recovery of the Far Eastern and Siberian regions only with the accelerated development of the transport infrastructure necessary for foreign economic contacts. Special attention should be paid to cross-border cooperation. At the same time, it is emphasized that the acceleration of the development of the Asian part of Russia largely depends not so much on the turn of the country's external relations to the East, but on a more active regional economic policy in Siberia and the Far East. At the end of the article, specific recommendations are given for the state economic policy, taking into account the objective obstacles to the rapid restructuring of not only geographical priorities in external relations, but also to the changes in interregional disparities within the country.

KEYWORDS: Russian foreign economic relations, foreign trade, foreign direct investment, export of educational services, turn to the East, economic turn to the global South, development of Russia's Siberian and Far Eastern regions, regional economic policy of Russia.

References

- Andreeva E.L., Maslennikov M.I., Misl'yakova Yu.G. (2018). Development of export of educational services in Russia and its regions. *Russian Foreign Economic Journal*. No. 8, pp. 32–47 (in Russian).
- Antyukhova E.A. (2018). Education as a “soft power” in modern foreign and Russian political science studies. *Science Journal of Volgograd State University. History. Area Studies. International Relations*. Vol. 23, no. 4, pp. 197–209 (in Russian).
- Bezrukov L.A. (2016). Transsib and the Silk Road: global infrastructure and regional development. *ECO Journal*. No. 7, pp. 21–36 (in Russian).
- Dementiev N.P. (2017). Inward and outward foreign direct investments: estimates based on data from the Bank of Russia and Eurostat. *Russian Economic Journal*. No. 2, pp. 56–69 (in Russian).
- Druzhinin A.G. (2022). The “Southern vector” of the geostrategy of the Russian Federation in the modern global and Eurasian context: systemic factors of actualization. *Scientific Thought of Caucasus*. No. 1, pp. 5–16 (in Russian). DOI: 10.18522/2072-0181-2022-109-5-16.
- Dyomina O.V. (2015). Russian Energy Resources to the Markets of the Asia-Pacific Region: The Development of Export Infrastructure *Regionalistica*. Vol. 2, no. 4, pp. 21–30 (in Russian). DOI: 10.14530/reg.2015.4.
- Ermakova Zh.A., Nikulin Yu.N. (2019). Export of Education Services from a Border Region. *Economy of Region*. Vol. 15, issue 1, pp. 191–204 (in Russian). DOI: 10.17059/2019-1-15.
- Efremenko D.V. (2022). Russia's Relations with African Countries in the Light of the Special Military Operation in Ukraine. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 4, pp. 60–78 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.04.04.
- Kuznetsov A.V. (2007). *Internationalization of the Russian Economy: an Investment Aspect*. Moscow : URSS, 288 pp. (in Russian).
- Kuznetsov A.V. (2022a). Russian direct investment in countries of Latin America. *Current Problems of Europe*. No. 3, pp. 254–269 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.03.11.
- Kuznetsov A.V. (2022b). Turning South: partners and formats. *Expert*. No. 22. Available at: <https://expert.ru/expert/2022/22/razvorot-na-yug-partnery-i-formaty/>, accessed 10.11.2022.
- Kuznetsov A.V., Kuznetsov O.V. (2019). The changing role of border regions in the

regional policies of the EU and Russia. *Baltic Region*. Vol. 11, no. 6, pp. 58–75. DOI: 10.5922/2079-8555-2019-4-4.

Kuznetsova O. (2016). Foreign direct investments in Russian provinces under economic sanctions. *International Trends*. Vol. 14, no. 3, pp. 132–142 (in Russian). DOI: 10.17994/IT.2016.14.3.46.9.

Leonova Yu.Yu. (2015). *Regional Interests and Factors of Investment Activity of Foreign Companies in Russia*. Moscow : URSS, 200 pp. (in Russian).

Maltseva O.A., Druzhkin E.D. (2020). Prospects of Indian direct investments in Russian economy. *RUDN Journal of Economics*. Vol. 28, no. 2, pp. 254–272 (in Russian). DOI: 10.22363/2313-2329-2020-28-2-254-272.

Novopashina A.N. (2015). Regional Distribution of Foreign Capital in Russia: Case of FDI from China/ *Regionalistica*. Vol. 2, no. 4, pp. 59–76 (in Russian). DOI: 10.14530/reg.2015.4.

Obzor... (2021). *Overview of Turkish investments in Russia*. Moscow : VEB.RF; Nektorov, Saveliev & Partners, 67 pp. (in Russian).

Optimizatsiya... (2016). *Optimization of Investment Ties of Modern Russia*. Kuznetsov A.V. (ed.). Moscow : IMEMO, 120 pp. (in Russian). DOI: 10.20542/978-5-9535-0479-9.

Petrov Yu.A., Karapetyan A.K. (2014). To assess the Degree of Offshoring of the Russian Economy based on foreign direct investment statistics. *Russian Economic Journal*. No. 2, pp. 22–33 (in Russian).

Shtykhno D.A. (2018). Export of education as a potential factor in the development of the regions of the Russian Federation. *Federalism*. No. 4, pp. 195–203 (in Russian).

Sinita A.L. (2020). On the problem of assessing and increasing the effect of foreign citizens' education in Russian universities for the economic development of Russia and its Arctic regions. *Russian Economic Journal*. No. 3, pp. 101–113 (in Russian).

Torkunov A.V (2012). Education as a tool of “soft power” in Russia's foreign policy. *MGIMO Review of International Relations*. No. 4, pp. 85–93 (in Russian).

Torkunov A.V. Streltsov D.V., Koldunova E.V. (2020). Russia's Pivot to the East: Achievements, Problems, and Prospects. *Polis. Political Studies*. No. 5, pp. 8–21 (in Russian). DOI: 10.17976/jpps/2019.05.02.

Valovaya M.D. (2018). Eurasian integration and growth drivers. *Russian Economic Journal*. No. 2, pp. 45–50 (in Russian).

Vilisov M.V. (2022). Turning to the South: African Think Tanks as Potential Partners for the EAEU Think Tanks. *Outlines of Global Transformations: Politics, Economics, Law*. Vol. 15, no. 4, pp. 116–136 (in Russian). DOI: 10.31249/kgt/2022.04.07.

Wang Jilu (2022). Investment Sino-Russian energy cooperation within the framework of the “dual circulation” strategy: state and prospects. *Russian Economic Journal*. No. 2, pp. 114–126 (in Russian). DOI: 10.33983/0130-9757-2022-2-114-126.

Yakovlev P.P. (2022). Russia's interaction with Latin American countries in the context of a geopolitical fracture. *Current Problems of Europe*. No. 3, pp. 227–253 (in Russian). DOI: 10.31249/ape/2022.03.10.